

Стратегический расчет России ВОСПРИЯТИЕ УГРОЗЫ И ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 448
Ноябрь 2016 г.

Дмитрий Горенбург¹
Си-Эн-Эй; Гарвардский университет

Движущей силой российской внешней политики является поиск политическими элитами новой основы для [национальной гордости](#) после того, как распад Советского Союза разрушил старую советскую идентичность. Исчезновение СССР не дискредитировало его статус великой державы, обретение которого вновь остается ключевым устремлением российских политических элит. В соответствии со своими представлениями о должном статусе России в мире и регионе, эти элиты также стремились поддерживать роль России как ведущей силы среди новых независимых государств, ранее находившихся в составе Советского Союза. Такая комбинация представлений о России как о глобальной великой державе и региональном гегемоне видится источником легитимности правящей элиты в глазах российского электората.

Основная часть краткосрочных внешнеполитических целей России ориентирована на ее непосредственных соседей. Данные цели предполагают поддержку дружественных или, как минимум, уступчивых правительств в соседних государствах. При невозможности достичь этого, ставится задача поддержания такой ситуации, при которой недружественные правительства соседних государств были бы слабыми и нестабильными. Все это значимо в глобальном контексте, поскольку, помимо обеспечения безопасности у своих внешних границ, такие цели служат предотвращению посягательства западных государств на то, что рассматривается Россией в качестве сферы своего влияния.

Помимо перечисленных ключевых целей, российское руководство делает упор на обеспечение внутренней стабильности, территориальной целостности и суверенитета страны. Такие приоритеты имеют, главным образом, оборонительный характер, будучи ориентированы, скорее, на выживание государства и его правящей элиты в их нынешней форме, чем на агрессивное расширение территории РФ или сферы ее влияния. Политика в военной сфере и в области безопасности по большей части призвана обеспечивать безопасность государства и его нынешней территории от потенциальных нападений, а также противодействовать тем угрозам, с которыми, по мнению российского руководства, сталкивается страна. Более того, у российского руководства реально нет хорошо продуманной стратегии того, как достичь своих

---

¹ [Дмитрий Горенбург](#) - старший научный сотрудник корпорации Центр военно-морского анализа (CNA), и сотрудник Дэвисовского центра российских и евразийских исследований при Гарвардском университете.

целей по отношению к соседним странам. Вместо этого, у него есть некий набор инструментов политической и военной тактики, и оно открыто возможностям использовать эти инструменты.

Российское восприятие угроз

Главные угрозы безопасности РФ в их понимании российским политическим и военным руководством сформулированы в последней версии «Военной доктрины России», опубликованной в декабре 2014 года (см. перевод доктрины [на английский язык](#)). Согласно положениям [доктрины](#), расширение НАТО является самой серьезной военной опасностью, с которой сталкивается Россия. Возможность расширения НАТО за счет бывших советских республик на протяжении многих лет рассматривалась российскими лидерами как угроза, причем озабоченность относительно планов Украины и Грузии привела к вовлечению РФ в конфликты в обеих странах.

Хотя эта озабоченность остается для российского руководства главной, в последние годы оно также стало обращать особое внимание на расширение военной инфраструктуры НАТО в расположенных у границ РФ странах альянса. В соответствии с этим, доктрина определяет военные опасности, связанные с «приближением военной инфраструктуры стран - членов НАТО к границам Российской Федерации», а также с «развертыванием (наращиванием) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Российскую Федерацию» (Военная доктрина Российской Федерации, пункты 12а и 12в).

Военная доктрина 2014 года была первым официальным документом, обозначившим в качестве военной угрозы организуемую извне смену режима. В последние годы эту угрозу часто упоминали как наиболее серьезную из стоящих перед руководством страны, однако при этом ранее ее не трактовали в качестве военной угрозы. Упомянув в качестве внешних военных опасностей «дестабилизацию обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности», а также «установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам Российской Федерации», Москва подчеркнула, что считает смену режимов плодом секретных планов, разработанных за границей: в первую очередь в США и в являющихся их союзниками странах (Военная доктрина Российской Федерации, пункты 12б, 12н).

Как утверждают российские руководители, такого рода планы включают в себя множество составляющих. Установление враждебных режимов в сопредельных с Российской Федерацией государствах посредством свержения легитимных органов государственной власти рассматривается как часть [кампании](#) по устранению влияния РФ на ее соседей, которые являются жизненно важными для безопасности РФ. Кроме того, оппоненты России стремятся посеять хаос в зарубежных странах, чтобы создать повод для вмешательства и установления в них прозападных правительств. При этом, хотя данные усилия предпринимаются, по большей части, за пределами России, их конечная цель состоит в ослаблении российского правительства для создания возможности смены режима Путина таким режимом, который будет больше прислушиваться к требованиям Запада. Помимо военных и политических средств для достижения этих целей, российские руководители озабочены использованием приемов информационной войны для ослабления суверенитета РФ, ее «политической независимости,

территориальной целостности» (Военная доктрина Российской Федерации, 12м). Все это является составляющей общего акцента на внутренние угрозы и на роль государственной политики в [противодействии](#) вмешательству Запада во внутренние дела России.

Третья группа опасностей для России связана с угрозами ее потенциалу ядерного сдерживания. Главной из этих опасностей считается противоракетная оборона, поскольку российское руководство [скептически относится](#) к возможности получить от США заслуживающие доверия обязательства воздерживаться от использования такого рода обороны против российского потенциала ядерного сдерживания. В Кремле убеждены, что если бы США были способны разработать эффективную и финансово целесообразную форму защиты от баллистических ракет, то внутривнутриполитическое давление в США привело бы к развертыванию систем ПРО. Такие системы были бы фактически предназначены для противодействия российским ракетам, даже если Вашингтон по ходу уверял бы, что ПРО будто направлена только против таких государств-изгоев, как Иран и Северная Корея.

Озабоченность российского руководства относительно угроз потенциалу ядерного сдерживания в последние годы вышла за пределы противоракетной обороны и теперь касается различного рода новых технологий. В числе последних можно упомянуть концепцию Быстрого глобального удара, подразумевающую разработку неядерных высокоточных вооружений и боеприпасов для нанесения ударов из космоса. В военной доктрине 2014 года эти вооружения были добавлены в список угрожающих России военных опасностей (Военная доктрина Российской Федерации, 12г). Как и в случае с ПРО, озабоченность связана с тем, что США могут использовать такое оружие для уничтожения российского потенциала ядерного сдерживания, сделав Россию беззащитной перед нападением со стороны НАТО или США.

Наконец, российское руководство выражает глубокую озабоченность относительно угрозы, создаваемой радикальными исламистскими организациями. Эта озабоченность обычно формулируется при обсуждении проблем глобального терроризма и экстремизма. Российская военная доктрина подчеркивает связь между радикальными вооруженными группировками и очагами межнациональной и межконфессиональной напряженности на фоне недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества (Военная доктрина, 12к, 12л). [Значимость этой проблемы](#) для российских лидеров подчеркивается ее выбором в качестве главной темы для Московской конференции по международной безопасности 2016 года. Учитывая историю исламистского партизанского движения на Северном Кавказе и осуществленных в России экстремистами за последние 20 лет терактов, российское руководство признает возможность возобновления волны атак, нацеленных на дестабилизацию российского государства.

Как обычно, российская военная доктрина не упоминает о наличии каких-либо угроз, исходящих от Китая. По всей видимости, это связано с тем, что Россия считает Китай стратегическим партнером, а не потенциальной угрозой. Тем не менее, российские эксперты регулярно обсуждают потенциальные долгосрочные риски, связанные с китайскими планами относительно российского Дальнего Востока. Они же периодически обсуждают актуальную уже в краткосрочной перспективе опасность того, что Россия становится чрезмерно зависимой от Китая, а ее роль сведена до младшего партнера и поставщика энергоресурсов КНР. Более того, российские военные постоянно проводят учения, ориентированные на отражение сухопутного нападения крупной державы на Дальнем Востоке и в Сибири. Хотя в качестве

противника во время этих учений не упоминается ни одно государство, Китай является единственной страной, которая могла бы угрожать России сухопутным вторжением с востока.

В целом, в последние годы российское руководство стало больше беспокоиться по поводу тех угроз, которые как оно считает, исходят от НАТО и США. После «арабской весны» и особенно после связанных с выборами протестов 2011-2012 гг. в самой РФ оно стало подчеркивать опасность для России возбуждаемых извне протестов и смены режима. Взятые в совокупности, эти изменения в восприятии угроз внесли существенный вклад в ухудшение отношений России с Западом даже до того, как в 2014 году разразился конфликт в Украине.

Тем, кто планирует политику Запада, необходимо иметь в виду, что российские лидеры считают Россию более слабой по сравнению с оппонентами и настроены весьма настороженно. Это не исключает параллельного наличия представлений о том, что России надо быть более активной и инициировать конфликт тогда, когда под угрозой оказываются критически важные государственные интересы, и когда появляются возможности перехватить инициативу. В итоге, западные наблюдатели часто рассматривают Россию как носителя агрессивных и реваншистских установок, даже если сами российские лидеры воспринимают собственные действия, как направленные исключительно на укрепление позиций своей страны, уязвимых с точки зрения безопасности.

Региональные приоритеты

Российская внешняя политика остается ориентированной на Европу и Соединенные Штаты. Поскольку центром международной системы остаются евроатлантические институты, российские усилия по обретению признания в международной системе и географическая близость ее наиболее населенной части к Европе означает, что Европа остается для российской внешней политики географически приоритетным регионом. Россия имеет в Европе как экономические, так и политические интересы. Экономические интересы связаны с продажей энергоносителей, в то время как политически Россия стремится ослабить европейские институты, чтобы развивать отношения с отдельными государствами на двусторонней основе.

Второй проблемной зоной для России является ее уязвимая граница на юге. Российская политика в Центральной Азии и на Кавказе в последние годы определялась тремя различными перспективами: 1) соперничеством великих держав в регионе, побуждающим российских политиков подходить к анализу проблем региона сквозь призму геополитики и военной политики; 2) энергетическими проблемами, в подходе к которым акцент делается на сохранение эксклюзивных прав РФ на транзит газа и нефти из региона в Европу; а также 3) озабоченностью по поводу таких угроз международной безопасности как радикальный исламизм, терроризм и контрабанда наркотиков.

Внутренние противоречия между этими перспективами стали главным источником несогласованности российской политики в регионе. В зависимости от того, какая перспектива оказывалась главной, российские официальные лица маневрировали между: а) упором на мягкие угрозы безопасности, которым лучше всего противостоять посредством развития механизмов сотрудничества со странами внутри региона и за его пределами и б) осуществлением шагов по ограничению влияния внешних государств в регионе в рамках усилий по сохранению монополии на транзит энергоносителей, а также по достижению преобладания в соперничестве с США. В последние годы, по мере снижения степени участия

США в центральноазиатских делах и падения цен на энергоносители, Россия стала уделять все больше внимания тому, чтобы обеспечить пребывание у власти дружественных Москве режимов и поддерживать их усилия по предотвращению восстаний и проникновения исламских экстремистов.

В последние годы Ближний Восток стал более важным для российской внешней политики. Ключевые цели России в регионе состояли в снижении нестабильности при одновременном наращивании своего влияния и сокращении влияния США. Российское руководство рассматривает политику США по продвижению демократии как главную причину хаоса и нестабильности в регионе. В то же время, перенапряжение США оказалось очевидно выгодным для интересов Москвы на Ближнем Востоке. Россия приложила усилия по использованию недовольства в регионе войной в Ираке и американской поддержкой общественных протестов против местных автократий для того, чтобы восстановить часть своего влияния на Ближнем Востоке, потерянного после распада СССР.

Операция в Сирии еще больше приблизила Москву к достижению этой цели, продемонстрировав, что у России есть интересы и ресурсы быть серьезным игроком в регионе. Организация постоянного военного присутствия в Сирии за последний год еще больше усилила российское влияние на Ближнем Востоке до такой степени, при которой, как [утверждают некоторые аналитики](#), Россия теперь занимает главенствующее положение в Сирии, а возможно и в регионе в целом.

Участие России в ближневосточных делах также полно рисков. Фактически шиитский по составу партнеров альянс с Ираном, Ираком и Сирией привел к напряженности с государствами Залива, а в недавнем прошлом и к временному обострению отношений с Турцией. Этот альянс также ставит Россию в положение прямой конфронтации с ИГИЛ, потенциально подвергая ее более высокому риску террористических атак против российских интересов и/или российской территории.

Наконец российский «Азиатский поворот» до сих пор проявлялся скорее на уровне риторики, нежели в реальной политике. Российские элиты начинают осознавать, что Азия имеет значение сама по себе, а не только в качестве придатка или противовеса Западу. Однако пока что они были более компетентными в оценке значимости Азии, чем в разработке эффективных стратегий установления взаимодействия с ней. Отчасти это является следствием сохраняющегося доминирования старых стереотипов об Азии как о чем-то второстепенном. По большей же части это происходит из-за того, что трудно примирить отстаивание российских интересов в сферах экономики и безопасности в Азии с западоцентричным мировоззрением российской политической элиты.

Даже в Азии реакция России, по большей части, определяется поведением Соединенных Штатов, поскольку сдерживание и создание противовесов США являются одними из основных задач российской внешней политики по всему миру. В значительной мере это является следствием представлений российского руководства, что Россия может быть глобальной державой, лишь ограничивая влияние Соединенных Штатов. В Азии она пыталась (с ограниченным успехом) добиться этого посредством выстраивания андигегемонистского консенсуса с Китаем и Индией. В то же время, несмотря на нынешние позитивные отношения с Пекином, российское руководство остается озабоченным по поводу наращивания китайской мощи и намерений КНР в долгосрочной перспективе, особенно с учетом усилий Китая по развитию проекта Шелкового пути. Москва опасается, что Китай может заменить Россию в

качестве главного «Другого» в американской внешней политике, что оставит Россию не у дел. По этой причине, несмотря на нынешнюю напряженность в отношениях с США, российские лидеры не питают неприязни к американским усилиям по ограничению китайских амбиций в Азии и по всему миру. В целом, российские цели в Азии, по сути, превентивны: сдерживание США и Китая, поддержание российского влияния в регионе, ослабление проамериканских альянсов без дестабилизации региона. Реализация всех этих приоритетов должна сочетаться с невмешательством в региональные конфликты.

Заключение

Избрание Дональда Трампа президентом США вряд ли изменит стратегические расчеты Москвы. Россия продолжит стремиться максимально укреплять свой статус в мире, возможно предложив сделку, при которой США признают ее сферой влияния на соседние страны в обмен на более дружественные отношения в глобальном масштабе. Такой размен мог бы легитимизировать Россию в качестве глобальной великой державы без необходимости тратить скудные ресурсы на глобальную битву за влияние с Соединенными Штатами.

**Elliott School of
International Affairs**
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org